

НАША СТРАНА

36-ой год издания, Буэнос Айрес, суббота 21 января 1984 г.

"NUESTRO PAIS"

Buenos Aires, sabado 21 de enero de 1984 No. 1748

МЫСЛИ ВСЛУХ

«СТОЯТЬ НА СМЕРТЬ»

ВЫСТУПЛЕНИЕ А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА В ИТОНЕ (ВИНДЗОР, АНГЛИЯ)

В связи с употреблением выражения "народная монархия" возникает вопрос, в чем заключается разница между "народным строем" и "демократическим строем". Ведь, как будто бы "народ" и "демос" это синонимы. Первое издание "Народной монархии" И. Солоневича в Аргентине было снабжено переводом на испанский язык как "Monarquía democrática". Однако, в следующем издании был сделан более правильный перевод: "Monarquía popular".

Как известно, несмотря на то, что "этнос", "демос", "охлос" и, даже, "полис" были в некотором отношении синонимами, все же между этими выражениями есть несомненная разница. Конечно, сегодня невозможно уловить все нюансы первоначального значения этих слов, особенно после их многовекового употребления в различных исторических обстоятельствах, и после многих злоупотреблений ими. Все же, очевидно, что понятие "этнос" шире и полнее "демоса". Этимологически "этнос" связано с "нацией" и с "народом". "Демос" в древности как будто бы ближе стояло к "полису", чем к "этносу". Так, например, "демархос" и "полиархос" (или "политархос") являются почти что равнозначущими титулами. Но все же, "полиархос" — это префект, или "градоначальник" всего города или всего государства, в то время как "демархос" это лишь начальник или глава одного из димов Афин, а в Египте губернатор области. Словом, "демархос" переводился римский титул "трибунус плебис".

Другими словами, понятие "народ" несомненно шире и полнее понятия "демос". Посему, и "народный строй" это строй в котором органически соучаствуют, в той или иной мере, весь народ, а не только какое то "большинство" народа. К народному строю подходит определение "политеи", данное Аристотелем, как строя в котором сочетается политическая воля большинства с политической волей меньшинства.

По своей целенаправленности все три правильных режима (монархия, аристократия и политея) являются народными, так как должны служить благу всего народа, в то время как искаженные режимы (тирания, олигархия и демократия) служат главным образом благу самих носителей власти.

Кроме того, народный строй основывается на публичности власти, как реальной так и декоративной, в то время как в демократических режимах очень сильны эзотерические и мистериальные элементы власти. Публичность и народность — этимологически одного происхождения.

Народный строй также должен быть строго правовым, то есть авторитарным строем, в котором правовой порядок строго анонимен и не допускает ни личных ни групповых привилегий.

И. А.

Мои молодые друзья! Когда в учебное заведение приглашают постоянного гостя, как сейчас меня, от него естественно ожидают, что он призовет воспитанников к наибольшему усердию в науках — что принесет им в дальнейшем и мудрость, и успехи в жизни. Не я буду тот гость, который нарушит эту традицию. Я сам в вашем возрасте имел большую страсть к учению, так что даже учился одновременно на математическом и литературном факультетах. Но я полагаю, что многие из вас понимают: одно образование еще не дает человеку всего необходимого. Образование ваше будет плохо исползовано, если вы не сумеете выработать в себе собственного духовного зрения, духовной позиции. И ваше образование останется втуне, без настоящего применения, если у вас не выработается характер и воля к действию. Это довольно общее место, которое вам всем, вероятно, понятно. Но я хотел бы подчеркнуть, что в наше время эти качества, духовное зрение и воля к действию, необходимы как никогда. Парадоксально, что именно в двадцатом веке, когда все науки получили необыкновенное, бурное, блестящее развитие, сказалась недостаточность как точных наук, так и социальных. Точные науки и техника привели к умопомрачительным, потрясающим изменениям, так что, например, на протяжении моей жизни — просто нельзя узнать лица планеты. Но тем не менее, развитие точных наук не сделало людей более добрыми и не повысило их духовный уровень. И даже, что уже совсем странно, это бурное развитие, принесшее столько комфорта, — кажется, не увеличило и счастья людей сравнительно с предыдущими веками. Что же сказать о науках социальных? Они тоже растут, они множатся сотнями и тысячами книг, но сегодня они не указывают нам выхода из того катастрофического положения, в котором находится наша планета. Не все осознают остроту этой катастрофы: что она не только приближается, но уже наступила. Знаменательно то, что мир сегодня состоит из как будто бы совершенно непохожих друг на друга частей. С одной стороны — коммунистический Восток, с другой — Запад. Но как ни различаются эти миры, они оба пришли к тупику. Пути были разные, причины разные, а катастрофа — общая, одна.

Я понимаю, что среди вас растут возражения: на Западе этот тупик еще не так виден. Но он — есть. Вы вступаете в жизнь в роковую эпоху. Вам не предстоит жизнь благополучная, ровная, без крупных событий. Этот смерч исторический захватит вас — некоторых еще на выпуске из учебного заведения, некоторых на первых жизненных шагах. Даже внутренние проблемы Запада чрезвычайно трудны для разрешения сегодня. Но на это накладывается каждоднев-

ная опасность коммунистического нападения. Я не имею в виду обязательно открытое нападение армии. Эта агрессия длится уже десятки лет, она обладает способностью взрывать государства изнутри. И в каждом государстве находится достаточное число людей, готовых служить коммунистической тирании. Даже в такой стране как Польша, объединенной крепким национальным духом и религией, даже в ней нашлось достаточное количество палачей и их помощников. Я боюсь, что ни одна страна Западной Европы не может обещать лучших результатов, чем Польша. Везде коммунизм находит тех, кто ему служит.

Вы вступаете в жизнь в период, когда окончилась долгая эра человеческого существования, три или четыре столетия. Мы стоим перед большим поворотом, не только физическим, но и духовным. А если мы этого духовного поворота не совершим, то мы просто все погибим.

Перед лицом угрожающей реальности XX века английские руководители, как и все руководители западно-европейских стран, делали почти одни ошибки. С начала Первой Мировой войны, и во всяком случае с Версаля. Эти ошибки ваших мыслителей, ваших политических деятелей объяснялись иногда тем, что они следовали ошибочным теориям, иногда тем, что они недостаточно вдумывались в события на востоке Европы, но чаще всего, увы, они объяснялись простой человеческой слабостью. Люди так устроены, что пока потолок еще не обвалился, мы продолжаем под ним беспечно ходить. Казалось — для простого самосохранения Западной Европы надо было уже с 1919 г. внимательно следить, какая угроза растет с Востока. Но ваши руководители беспечно декларировали, что никогда еще Англия не жила так хорошо, как теперь. За слепоту детей и отцов придется расплачиваться нынешнему поколению на земле. После конца Второй Мировой войны ваши руководители совершили ужасающую вещь, то, что я назвал бы самым тяжелым моментом отношений между англичанами и русскими за 400 лет. Они выдали, против воли, сотни тысяч людей, отдали их на уничтожение в коммунистических лагерях. Многие из них кончали самоубийством на глазах английских офицеров и администраторов. Но администраторы не дрогнули. Великая демократия отдала сотни тысяч людей тоталитаризму на уничтожение. Как это могло произойти? Здесь не столько замышленное злодейство, сколько ужасная ошибка. Ошибка эта состоит в том, что Запад смешивает представление о коммунистических правительствах и народах, угнетенных коммунизмом. На Западе считают, что эти народы как бы принадлежат своим правительствам, как добровольно избранным. Эта ошибка

продолжается до сегодняшнего дня, она в вашем обычном употреблении, она в системе вашего мышления. Сегодня эта ошибка становится роковой, вот почему. Западный мир, хотите вы или не хотите это признать, потерял за последние семьдесят лет так много, уступил так много, укреплял коммунистические правительства так много, — что сегодня Запад, даже если бы собрался с волей, а воля его не собрана, — уже не может один устоять против соединенного коммунизма. Сегодня Запад может устоять только в союзе с угнетенными народами. И те из вас, кто хотят действовать безошибочно, должны все время различать, на каждом шагу, в каждом решении, в каждом действии — между правительствами СССР, коммунистического Китая, Кореи, Вьетнама, Кубы, Никарагуа, и народами этих стран. Если вы это различие сделаете, и если те из вас, кому суждено направлять общественные действия, будут смело идти в этом направлении, — вы получите могучих союзников, в союзе с которыми сможете победить коммунизм. Если вы будете продолжать спокойно плыть по течению, и будете бояться оскорбить какое-то из коммунистических правительств, и будете бояться протянуть руку угнетенному народу, то вас просто толкнут по пути Гитлера. Гитлер ополчился не против коммунизма, а против русского народа. И таким образом дал Сталину козырь. Сталин мог призвать свой народ: "смотрите, Гитлер хочет уничтожить вас, не нас, а вас", — и у народов СССР не осталось выбора, как, защищая себя, спасти и коммунистическое правительство. Объединяя народ с враждебной ему властью вы загоняете его в отчаянный тупик, опасный и для Запада.

Я хочу настоятельно призвать вас не поддаваться беспечности, не ожидать для себя благополучной, счастливой жизни. Вся Европа, и Англия — стоят перед ужасающим испытанием, к которому трудно будет найти аналогию в веках. Сегодняшнее положение Англии более опасно, чем в 1940 году, когда немецкие самолеты прямо были над Лондоном. Однако Англия в своей истории не раз создавала чудеса. Я верю, что Англия сумеет и в этот раз противостоять, и совершить чудо. Не доводите до нашего положения, под коммунизмом. Мы продолжаем борьбу, но уже как рабы, на коленях. В Советском Союзе две трети века, а в Китае — треть века. Борьба человечества с коммунизмом не прекратится никогда. Рано или поздно коммунизм уйдет с земли. Но лучше бороться с ним, пока вы еще стоите на нескованных ногах, и руки ваши свободны. Защищайте свободу, пока она у вас есть.

— Сэр, если в России так мало людей, которые поддерживают ком-

мунизм и хотели бы атаковать Запад, — то в чем мы должны видеть угрозу?

— Это напоминает мне почти анекдотическое удивление европейцев 40 лет назад. Когда я был в советских войсках на территории Германии, мы разговаривали с европейцами, и рассказывали, какой ужас там у нас творится. А европейцы развсидили руками: "Если вы все недовольны Сталиным, почему вы его не переизберете?"

Для того чтобы судить о коммунизме — отбросьте ваши привычные мерки. Если вы чем-нибудь недовольны — вы собираетесь, сто, тысяча человек, и идете на улицу, а мы у себя дома — собираемся по два человека и боимся говорить под потолками. Мы пишем друг другу на бумажке, показываем и уничтожаем. И так — во всех коммунистических странах. Уже давно никто не принимает коммунизм душой. Даже коммунистические вожди сегодня думают только о своем благополучии, а вовсе не о коммунизме. Коммунизм должен быть живым только в тот момент, когда он прыгает на спину, и во времена Ленина он был таким. Он схватил страну, — а дальше он может держать своей хваткой, даже будучи мертвым. Это метафизическое существование. Вожди коммунизма не нуждаются лично в том, чтобы захватывать Анголу, Никарагуа или Южный Йемен. Но они действуют под влиянием этой страшной силы, и если нужно — они нажмут кнопки ракет, и если нужно — пошлют танки, и солдаты пойдут, — не потому, что они за коммунизм, а потому, что у них нет выхода. Вы просто не понимаете природы коммунизма. Во время венгерского восстания в Будапеште были случаи, когда советские солдаты отказывались стрелять в народ, стрелять в венгров, — и были тут же расстреляны своим начальством. Они отдали жизнь, а сегодняшние молодые американцы, которых призвали — не в армию, нет, только записываться, регистрироваться, на случай, если когда-нибудь их позовут, — они во множестве не идут. Сравните, сравните пожалуйста два уровня души.

— Считаете ли вы, что русский народ жаждет религии и духовного знания больше, чем западные народы?

— Я посвятил этому свою речь в Гилдхолле несколько дней назад. Поэтому я не буду сейчас отвечать подробно. Но смысл в том, что когда все открыто, все свободно и не нужно никакого душевного усилия для того, чтобы отстаивать свою веру, — она, по человеческой природе, начинает поддаваться эрозии. У нас в стране 65 лет коммунизм не имел другой более важной цели, чем уничтожить религию. Страшным давлением он раздавил миллионы людей, вместе с их верой и с их жизнью. Но у тех, кто выдержал это нечеловеческое давление, — у тех развилось острое влечение к вере, такое, какого на Западе сегодня действительно нет.

— В истории всегда бывали очень сильные вожди и агрессивные настроенные государства, которые долгими периодами держали под своей властью много народов, подобно нынешнему Советскому Союзу. Что такого особенно угрожающего вы находите в коммунистической власти?

— Вы знаете евангельское изречение: "отдай Кесарю кесарево, а Богу Богово"? Все предыдущие тираннии, существовавшие до коммунизма, требовали только кесарево, — коммунизм впервые требует отдать ему не только кесарево, но и Божье. Коммунизму не достаточно, чтобы

человек работал на него всю жизнь и умер, он должен прежде всего отдать душу, он должен как попугай повторять пропаганду коммунистическую, до тех пор, пока у него не останется ни собственных мыслей, ни собственных чувств. Такова цель коммунизма. Если вы будете искать для него каких-нибудь аналогий в прошлом — вы ошибетесь. Коммунизм — это начало большой зры в жизни человечества. Очень может быть, что коммунизм еще настолько распространится по земле, что захватит и Англию. Тогда вы легко поймете на собственном опыте. Но я не желаю вам этого. Как ни трудно для человека, но надо стараться понимать и учиться на чужом опыте.

— Сэр, разве недавнее внушительное голосование за политику канцлера Коля в Западной Германии, и решительность его самого поставить ракеты в Европе — не показывают новое осознание коммунистической угрозы Западной Европой?

— Конечно, постепенно, за эти 65 лет у какого-то числа общественных и политических деятелей проявляется сознание остроты опасности. Конечно, канцлера Коля не сравнишь с канцлером Брандтом. Канцлер Брандт просто развалил всю позицию Западной Германии и как только мог укрепил Восточную Германию. Но одного сознания у отдельных политических деятелей мало для поворота Запада. Только тогда будет Запад как целое являть собой силу, когда сознание опасности, и воля, и решимость жертвовать, если нужно, жертвовать и жизнью, — овладеют обществом. А что сегодня мы видим в той же Западной Германии или Англии? Вот эти недавние демонстрации антивоенные, якобы антиядерные. Конечно, каждый разумный человек ненавидит атомное оружие. Но если заглянуть вглубь, если бы участники этих демонстраций ответили честно — они должны были бы признать, что они демонстрируют против всякой борьбы. Они вообще не хотят сопротивляться, никак.

— Итак, господин Солженицын, что нам на Западе делать, сражаться с Советским Союзом ядерным оружием, которое уничтожает, или словами, которых советские не слышат?

— Если бы, если бы Запад мог сражаться словами! Советский Союз при любой разрядке продолжает идеологическую войну, так и объявляет вслух. Ни одной минуты, никогда советские руководители не отказывались от идеологической войны. Все их ложные идеи имеют обманную одежду, и они проталкивают их все 65 лет с нечеловеческой настойчивостью. На Западе часто говорят: "Мы несколько не боимся идеологической войны, наши идеи выше, и мы победим!" Но вы не умеете мобилизовать ваших идей. Вы не умеете настаивать на истине, никогда ни в чем не уверены. Вы должны постоянно служить плюрализму. Вы должны представить "фифти-фифти" по каждому вопросу. Невозможность признать, что существует в мире определенное Добро и определенное Зло, даже стыдливость произносить эти слова — делает Запад не способным противопоставить словесную войну Востоку. Ярлык "холодная война" приклеили коммунисты. Никогда никакой холодной войны Запад не вел, потому что он не в состоянии. Потому что каждый, кто выражает идею слишком ясно, слишком прямо, слишком отчетливо, — сейчас же будет одернут со всех сторон: "уберитесь! замолчите! это испортит отношения". И потом не забывайте, что защищать демократию словесно — гораздо легче было 200 лет назад. Тогда демократия стояла на высо-

ком уровне личной ответственности. Все держалось на том, что люди знали себе границы, знали свою ответственность перед Богом. А теперь Бог затмился, мы от него отвернулись. О своих обязанностях мы забыли. Только повсюду слышно: "мои права", "наши права". Один американский журнал напечатал подробную инструкцию, как изготовлять ядерную бомбу. Его пыталось остановить государство — нет, "по конституции я имею право". Изобретают отравительные фильмы об Иисусе Христе, — это не запрещается, и у людей, которые производят и демонстрируют эту мерзость, нет границ, чтобы самим остановиться. И когда вы говорите Востоку, что у вас свобода, — вам отвечают: да! свобода порнографии, свобода распущенности, свобода для богатых. Что вы можете на это ответить? Вы потеряли сердце демократии, вот почему у вас нет ясного словесного ответа коммунизму. А коммунизм лжет блестяще, он толкает на вас легионы лжи. Таково положение в словесной войне.

— В Гилдхолле, и вот сейчас, — вы сказали, что причина мировых проблем в том, что человек забыл Бога. Но разве не правда, что в прошлом организованная религия, с ее указанием на вину и грех, — была такой же силой для гонения, как коммунизм сейчас?

— Такой же как коммунизм — нет, никогда. Но что церкви делали ужасающие ошибки — несомненно. Однако, посмотрите и на свою собственную жизнь. Может быть, вы еще молоды, чтобы заметить многие свои ошибки. Когда вы доживете до пятидесяти, шестидесяти лет, вы возьметесь за голову: сколько вы наделали ошибок. Почти вся жизнь состоит из ошибок. То же самое относится к человечеству. Человечество еще не исчерпало свой исторический путь. Я думаю, что пройденное нами — короче того, что нам предстоит. Мы должны были удариться то в одну стенку, то в другую, то в инквизицию, то в полную свободу Возрождения и Просвещения. Вы сейчас попрекаете все церкви справедливо — за расколы, за войны, за ненависть. А что, за 200 лет после Просвещения — сделано ошибок меньше на Земле? А разве колонизация произошла не после Просвещения? Каким же образом просвещенные люди взялись покорять другие народы, владеть ими для своего обогащения? А потом бросить их в такой поспешности, что они не могут на ноги встать?

Да, вера в Бога — это самое, может быть, трудное и высокое, что есть перед человеком и перед человечеством. И надо пройти очень тяжелый путь, пока наконец вы почувствуете, что этот источник есть свет и помощь. Там, под тоталитаризмом, на самом дне Архипелага Гулага, который мне вам трудно передать вне пределов моей книги, — там самыми стойкими, свободными людьми были те, кто сохраняли веру в Бога. Она проверена при тысячекратных напряжениях и нагрузках. Конечно, человечество еще будет ошибаться, потому что задача, поставленная перед нами, — на пределе наших душевных и умственных сил.

— Думаете ли вы, что Великобритания или другие страны Западной Европы могут играть какую-то роль в борьбе против коммунизма, или должны только помогать Соединенным Штатам Америки? Разве это не потеря свободы самой в себе?

— У коммунизма, при всей невероятной силе, есть духовная слабость. Коммунизм отстает перд

несокрушимой волей даже одного человека. Когда человек решает стоять до конца, не дорожа более своей жизнью, коммунизм ничего не может с ним сделать, потому, что убить его — не значит победить. И когда сейчас православный священник отец Глеб Якунин сидит полгода в каменной коробке, без постели, без печки, стены покрыты инеем, не получает горячего, а вот такой кусочек очень плохого хлеба в день, и говорит: "отдайте мне Евангелие", — перед таким человеком коммунизм отступает. История коммунизма показывает ряд таких примеров. Надо только действительно решить, что вы становитесь не в позу, вы становитесь на жертву.

Переноса это на Британию, я бы сказал, что не только без Соединенных Штатов, но даже без всей Европы Британия сама может устранить коммунизм, если она действительно сольется в желании стоять насмерть. И даже было бы очень вредно для вас слишком полагаться на американскую помощь. Америка имеет десятки обязательств по всему миру. У нее нет большой армии. Ее может не хватить на все места. Если вы будете ждать, что Америка придет вас спасать, вы можете жестоко просчитаться. Не потому что она не захочет, а потому что у нее сил не хватит. Сопротивление злу должно расти в каждом сердце, в каждом человеке, в отдельной маленькой группе людей, и в такой стране, как Британия.

— Можно ли эффективно использовать религию и искусство против коммунизма? Разве нет более сильных средств, чем политика и оружие уничтожения?

— Сам коммунизм отвечает на это ясно. Религию он считает своим главным врагом. Если вы когда-нибудь познакомитесь более внимательно с Марксом или Лениным, на что, впрочем, я вам не советую тратить время, — вы увидите, что главный винт Маркса и Ленина это ненависть к Богу. А что касается искусства — коммунизм никогда не выпускает его из под своих рук и неусыпного наблюдения. Можно даже поразиться, сколько сил, сколько средств коммунизм тратит для того, чтобы запрячь искусство в свою упряжку. Я сам присутствовал на двух встречах, когда в Кремль собирали по 300, по 400 ведущих деятелей искусства. Сидел весь состав Политбюро, 10 человек, сидели главные министры, Косыгин скучал, просто клевал носом, не зная, как оттуда выбраться. Но так это было для партии важно, так это было важно, что они нас держали полных три дня в непрерывном втолакивании, какое должно быть искусство. Не удержусь рассказать вам один смешной случай. Хрущев громил живопись, не такая живопись. Позади подиума за ними была дверь, и будущему великому Брежневу Хрущев приказал: "А ну, принеси картину". И этот грузный Брежнев, еще никто не знал, что он станет такой великий, побегал вот так на цыпочках за картиной и принес, поставил перед нами.

Религии и искусства коммунизм чрезвычайно опасается. Но лишь до тех пор, пока искусство, литература выражают человеческое страдание и духовный поиск. Если же художник воображает богом самого себя, если искусство совершается как свободная забава художника, или даже выход его раздражению и ненависти, — такое искусство, на Востоке или на Западе, опасно для его потребителей, а не для коммунизма.

ВЛАДИМИР РУДИНСКИЙ

КРОВАВАЯ РУКА СОФИИ

19 сентября 1982 года в соборе на улице Дарю шла панихида по царю Борису и всем жертвам коммунизма в Болгарии. Храм был полон, отчасти и русскими (левая наша общественность блистала, впрочем, своим отсутствием), но главное — болгарскими эмигрантами. С любопытством смотрел я на них, и особенно заметил их молодость. Старых почти не видно, мало и людей среднего возраста, мужчин и женщин (по типу, в большинстве, интеллигенции), а масса — молодежи, редко когда старше 30 лет. Виднеются, там и сям, и дети, часто белокурые, в отличие от взрослых (должно быть, волосы у них с годами темнеют?).

Роль распорядителя играл худощавый шатен выше среднего роста, лет 25 на вид. Меня с ним тут же познакомил, как с болгарским журналистом, один мой приятель, из второй волны как и я, А. Поляков: они уже прежде встречались на антикоммунистических демонстрациях перед советским посольством. Болгарин дал мне журнал, где он сотрудничал, "Български Глас", а я ему взамен — "Нашу Страну".

По адресу на журнале, — 135 улица Поль Вальян — Кутюрье в Малахове (так называется одно из дальних предместий Парижа, в память битвы Крымской Кампании), послал я ему позже и еще несколько номеров "Нашей Страны" и "Голоса Зарубежья", он же мне другие болгарские издания, в которых он участвовал: журнал "Борба", издающийся в Соединенных Штатах, и газету "Свободен Народ", выходящую в Австрии, присоединив к ним потом и любезное письмо, подписанное Красимиром Пеев.

Завязалась переписка, и нам обоим хотелось встретиться, но с этим дело затянулось до 28 августа 1983 года, когда мы снова увиделись в церкви на Дарю, на панихиде, на этот раз, по всем монархам Болгарии, со времени ее освобождения от турок. Здесь нам удалось поговорить, а на завтра Пеев пригласил меня вместе с Поляковым на обед в болгарский ресторан.

Тем для беседы нашлось довольно, и понимать друг друга нам было легко. Пеев обещал мне дать в болгарской зарубежной печати отзыв о "Нашей Стране" и о "Голосе Зарубежья", а как выкроит время, то и написать для них статьи о болгарских делах (он свободно владел русским языком, как и французским). Кроме того, предлагал он мне и устроить аудиенцию у царя Симеона, с кото-

рым он поддерживал регулярные отношения, чтобы я мог у него взять интервью для "Нашей Страны". Много раз мы возвращались, вновь и вновь, к вопросу о сближении русской и болгарской эмиграции, о создании общего фронта антикоммунистических эмиграций из стран Восточной Европы, и шире, из всех стран, подверженных гнету красных тиранов.

Чувствовался в нем энтузиаст и идеалист, стремившийся для своей родины к тому же, к чему мы — для России; но с ясною головою, высокою культурой и большими способностями, благодаря чему его планы являлись не пустою мечтою, а осуществимыми, деловыми схемами, путями в реальное будущее. Талантливый журналист, он обладал в высокой степени и качествами вождя и организатора. Не знаю, много ли равных ему имеется в наличии в болгарском зарубежии: такие люди в любой среде — редкость.

Уже ему удалось создать издательство, опубликовавшее целый ряд книг по-болгарски, установить связь с соотечественниками в других странах (на следующий день он собирался, уже не в первый раз, в поездку в Швецию). На жизнь он зарабатывал, служа сторожем в каком-то банке, чего ему, видимо, хватало вполне. Казалось, перед ним большое будущее: нужный человек на нужном месте, — и на взлете, на пути к важной и полезной деятельности.

Все это при открытом, обаятельном характере, врожденной деликатности и простоте в обращении; он словно бы освещал собою темноватый погребок, где он с толком угощал нас лучшими национальными блюдами своей земли, от мусаки до ягурта. Когда трапеза кончилась, он подвез нас до моего дома на своем автомобиле; Поляков имел ко мне какое-то дело и хотел зайти, сам же Пеев торопился куда-то. Мы с ним простились на улице у входа. Кто бы мог подумать, что навсегда! И что больше мне его видеть не суждено...

Тот же Поляков выступил, волею судьбы, вестником несчастья, придя ко мне в воскресенье 18 декабря. В церкви он услышал от болгар злое весть, будто Пеева убили или он сам повесился (во что последнее никто из них не поверил, — да и понятно!). Надо было поверить ужасную новость, и мы поехали в Малахов. Недавно линию метро продлили, и туда можно теперь добираться метро. Погода стояла ужасная: дождь и ливень, мгла такая, что

в двух шагах ничего не видно, хотя вечер лишь наступал. Путь казался бесконечным; но вот и № 135 на длинной, серой улице пригорода, недалеко от железной дороги. Небольшой домик темен и безмолвен, и на стук никто не отзывается. По счастью, рядом — маленькое, третьесортное кафе. Старуха хозяйка немногословно подтверждает: да, ее сосед грагически погиб; полиция ведет следствие...

И вот, через несколько дней, — заметка в "Русской Мысли" от 22 декабря; краткая, без подписи, но с ужасающими подробностями зверского злодеяния, которых не хочу здесь воспроизводить... Однако, подчеркнем в ней следующие, тоже на свой лад жуткие, — и глубоко возмутительные! — строки: "Во французской полиции явно захотели придать этому явному политическому убийству частный, личный характер, заявив, что Пеев, возможно, сам покончил с собой или неудачно имитировал самоубийство и т. д. Однако, достаточно, с одной стороны, вспомнить, какие методы расправы предпочитает "Българска Сигурност", и, с другой — кем был Красимир Пеев".

Софийские чекисты трезво выбрали жертву: таких людей скоро не заменишь. В его лице эти исчадия ада метили не только в болгарского патриота, но и в монархиста, в носителя великой и самой для них страшной идеи. Перед могилой погибшего героя мы все должны со скорбью и восхищением склонить головы.

А что до реакции западных властей, — она понятна. Кому же охота иметь неприятности с красным блоком? Да и свои коммунисты что скажут? Поймать с поличным иностранных агентов, на месте преступления, — ну и что же тогда с ними делать? И какой скандал!.. Лучше не надо... Вон, даже и дело о покушении на римского Папу, куда как ясное, благополучно замаяли! Да и про смерть Кеннеди (как-никак, президента Соединенных Штатов!) публика правды никогда не узнала.

Но невесело и жить в этом "свободном" мире, где чекисты могут, практически, безопасно и безнаказанно для себя с любым из нас расправиться! Только мы им все равно не сдадимся: имя Пеева должно нам служить примером и образцом, и не страх на нас наводить, а будить в нас гнев и волю к борьбе!

ВЛАДИМИР РУДИНСКИЙ

БИБЛИОГРАФИЯ

Юрий Ветохин. "Склонен к побегу", Сан-Диего, 1983.

Книга Юрия Ветохина, вышедшая из печати совместными усилиями не-большой группы русских политических эмигрантов, в своем роде уникальная, документально, без вымыслов или прикрас, отражает советскую действительность последних лет и, особенно точно, новейшие попытки в психиатрических лечебницах для политзаключенных.

Подполковник А. Стафиевский, видный деятель русской политической эмиграции в Австралии, отзывался о ней так: "Думаю, что книга Ю. Ветохина необычайно полезна в деле борьбы против проклятого коммунизма. О психотюрьмах, об их ужасе еще такого подробного сообщения мне не приходилось читать. Все, что писалось на протяжении 60 лет о советской жизни я прочел, но эта книга даже и мне раскрыла глаза на очень многие вещи, и особенно на роль женщин в КГБ".

Ветохин, конечно, исключительный человек, такой силы воли, какую трудно встретить в наше время полного морального развала".

Однако книга эта интересна не только описанием 9-ти лет проведенных автором в психушке. Его жизнь была весьма разнообразной. Он, еще подростком пережил осаду Ленинграда и видел, что творилось там большевиками. Был морским офицером на Дальнем Востоке, а после переквалифицировался специалистом-инженером по компьютерам. Пережил немало предательств из-за неудачного брака и затем, почти 20 лет готовился к побегу вплавь. Был пойман в Черном море и за это-то и пробыл 9 лет в заключении. Только в декабре 1979 года ему удалось побег вплавь после прыжка с экскурсионного корабля, ночью, в Молуккском море, где после многих часов опасного плавания он достиг берега одного из Индонезийских островов. Там просил политического убежища. В США, в город Сан-Диего, он прибыл в 1980 г. и первое что он сделал — отслужил благодарственный молебен в храме Русской Зарубежной Церкви. Таким образом всей своей личностью он дал нам доказательство того, что родившись, учившись и работая в Советском Союзе многие годы, русский человек остался русским и глуповерующим православным.

Эта книга, его первая и вероятно единственная, так как целью своей жизни он себе поставил написать всю правду, как он ее видел и пережил. Такая целеустремленность в человеке тоже очень редкое качество.

Пока еще не известно сможет ли эта книга быть изданной по-английски, хотя перевод ее уже сделан. По-русски книга издана в хорошем переплете, малым тиражом и может скоро стать редкостью. Очень хотелось бы что бы она дошла до каждого мыслящего русского эмигранта.

В книге 545 страниц и 42 фотографии. Ее стоимость — 20 долларов. Выписывать надо от автора:

Yurii Vetokhin
P. O. Box 16084
SAN DIEGO, Calif. 92116 USA

У автора определенно есть большой талант, читается книга со все нарастающим интересом и в то же время она является ценнейшим историческим документом.

Н. А. Степанова

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

ФРАНКИЗМ ЖИВ

Нам пишут из Мадрида:

Осталась недостаточно отмеченной в западной демократической прессе, демонстрация протеста против социалистической политики правительства Фелипе Гонсалеса, в которой приняли участие сотни тысяч сторонников покойного испанского "Каудильо" Франсиско Франко.

В воздухе мелькали тысячи испанских флагов, демонстранты — всех возрастов — пели гимн Испанской Фаланги и скандировали имя Франко. "Я здесь, чтобы защитить ценности, отнятые у нас социали-

стами, — нравственные и духовные ценности, которые были у нас при Франко", заявил агентству ЮПИ 26-летний врач Хосе Карлос Гарсия.

По началу испанские националисты хотели устроить демонстрацию у королевского дворца, однако власти уже второй год подряд отвечают им отказом. Поэтому грандиозная манифестация завершилась у конной статуи Франко перед зданием министерства транспорта, туризма и связи.

КИССИНГЕР ВЕЩАЕТ

Нам пишут из Мюнхена:

Западногерманский журнал "Шпигель" опубликовал интервью с Генри Киссингером, в котором бывший государственный секретарь США был вынужден признать, что

его прогноз, утверждавший, что Израильская акция в Ливане даст возможность радикально решить ближневосточную проблему, не оправдался.

Тем не менее он вещает дальше. Так, например, по его мнению с "русскими" можно ладить лишь тогда, когда относишься к ним "честно, без сантиментов, но с уважением, скрупулезно выполняя свои обязательства".

Касательно сбитого по прямому приказу Андропова южнокорейского пассажирского самолета, то это — по словам Нобелевского лауреата премии мира — лишь доказывает, что "в советских штабах царит неразбериха".

В представлении Киссингера обе сверхдержавы утратили в последние годы контроль над развитием событий.

ВАЛЕНТИНА БОГДАН

СВОЕОБЫЧНОСТЬ

"НОСТАЛЬГИЯ" — НОВЫЙ КИНОФИЛЬМ А. ТАРКОВСКОГО

"Я хотел бы выразить частную точку зрения: человечество делится на две категории. К первой относятся люди, считающие, что они рождены для счастья. Русский писатель однажды сказал: "Человек рожден для счастья, как птица для полета". Эта цитата меня всегда смешит. Я принадлежу к другой части человечества. Я верю, что мы появились на свет для того, чтобы духовно расти. Если мы умираем хоть чуть-чуть духовно выше, чем родились, то можно сказать, что наша жизнь была прожита не зря... Я горячо верю в то, что человеческий дух, человеческая душа — бессмертны. Если бы я не верил в это, я бы не смог прожить и десяти минут, потому что моя жизнь более не имела бы для меня смысла. Если эта бессмысленность — цена счастья, если она равнозначна счастью, то счастье — не мой удел. В этом мире есть вещи поважнее счастья..." (Из выступления Андрея Тарковского на семинаре во время Теллуридского кинофестиваля в Колорадо).

В лондонском кино меня ждало большое разочарование: фильм озвучен по-итальянски с английскими надписями.

Герой фильма, поэт Горчаков, приехал в Италию искать материал о проживавшем там, в 18-ом веке, русском музыканте. Путешествует вместе с ним проводница, итальянка, но Горчаков запрещает ей говорить с ним по-русски, и она, собственно говоря, не переводит, а объясняет ему некоторые обычаи страны. Поэт знает довольно хорошо итальянский язык и когда переводчица оставляет его, он прекрасно справляется сам. Только иногда, он думает вслух по-русски или у него, непринужденно, вырываются русские фразы.

По чему у Горчакова ностальгия? По старой, возможно еще пасторальной, жизни, когда люди верили в Бога и были защищены его законами от морального и материального осквернения себя и окружающей среды. Одно итальянское слово, которое Горчаков просит переводчицу перевести ему на русский — это слово "вера".

У Горчакова в России есть жена и двое детей, которых он, очевидно, любит; о них он иногда говорит и часто они появляются ему в мечтах. Он категорически отвергает поползновения красавицы-переводчицы его соблазнить. Не добившись его близости, она оставляет его, уезжает.

В Италии Горчаков встречает юродивого — Доминико. До этого, Доминико держал свою семью семь лет запертую в доме, оберегая ее от опоганивания и ожидая близкого, по его мнению, конца света. В то время как появился Горчаков, юродивый жил уже один возле монастыря Святой Екатерины, где был целебный источник и бассейн для купания с целебной водой. Доминико встречает людей неохотно и говорит мало. Он верит, что если он с горящей свечой переплывет бассейн от одного конца в другой, то он будет "спасен". Он несколько раз пытался это сделать, но плавающие в бассейне люди не отпускают его, боясь, что он утонет.

К концу фильма Доминико пере-

бирается в Рим. Там, на одном из скверов он произносит горячую речь о скорой гибели мира (упомянув и об атомном взрыве) перед небольшими группами случайно остановившихся и равнодушно слушающих его людей. В конце проповеди он обливает себя горячим и сторает. Никто не пытается его спасти.

В это время Горчаков, который должен возвратиться домой, поехал на аэродром, но потом раздумывает и возвращается к монастырю. Горчаков как бы отождествил себя с Доминико и даже глядя на себя в зеркало, видит лицо юродивого.

Приехав к бассейну, Горчаков увидел, что рабочие выпустили из бассейна воду и очищают его от накопившихся, очевидно за очень долгое время, тины и мусора. Тогда он решает сам пересечь бассейн с огарком свечи, оставленным ему юродивым. Горчаков идет с горящей свечей по дну бассейна, по грязи и среди разного, затонувшего в бассейне хлама. Два раза ветер задувает его свечу. Тогда он возвращается к наружной стене бассейна, зажигает ее и снова идет. На третий раз, осторожно охраняя огонь рукой или полкой пальто, он наконец подходит к дальней стене бассейна и... умирает, хватаясь руками за свою грудь.

В картине показано, что у Горчакова больное сердце. Он часто принимает лекарство, и даже принял пилюли перед самым спуском в бассейн.

В картине есть несколько захватывающих зрителя эпизодов. Например: в монастырь приносят статую Богородицы, которая помогает бесплодным женщинам иметь детей. Много женщин пришло помолиться, пришла и переводчица. Она стоит в стороне. К ней подходит человек и советует стать на колени. Переводчица пытается, но не может заставить себя это сделать. "Не привыкла я этого делать" — говорит она. Горчаков на богослужение не приходит, он бродит по двору монастыря среди колонн и развалин. И в это время над ним слышится голос Святой Екатерины; она просит Бога: "Господи, явись ему", и Господь ей отвечает: "Я в нем, но он этого не понимает".

"Ностальгия", как и все творения Тарковского, кинокартина очень интересная по замыслу, но смотреть ее трудно. Она... *нудная*. Все действия происходят очень медленно, почти все время среди полуразрушенных зданий и почти все время идет дождь! Несколько раз повторяется сцена: Горчаков смотрит в окно на полуразрушенное, как будто бы

после бомбежки, здание, а на дворе дождь. Сыро, холодно, серо. Часть картины показана только серым цветом. Красавица переводчица одета в какое-то серое баракло. В бассейне плавают одни и те же люди; видны только их головы и плечи, они показаны несколько раз. По словам юродивого, люди плавают в бассейне надеясь получить "жизнь вечную".

В пяти фильмах Тарковского, которые я видела, всегда показано много воды: дождь, болота, водопады, реки... ну а в этой картине он превзошел самого себя. Можно подумать, что начался всемирный потоп! Видно, вода в картинах Тарковского играет мистическую роль. Какую — сказать трудно.

Картина "Ностальгия", до некоторой степени, такого же типа как и "Сталкер". Но в "Сталкере" трое шли к таинственной комнате. Надеясь на чудо свершившегося желания, преодолевая препятствия, они выявляли свою собственную, незаурядную, сущность. Зритель прямо следовал за ними все время ожидая чего-то необычайного; а в "Ностальгии" действия почти нет. Поэт Горчаков с тоской и сожалением смотрит на полуразрушенный, заливаемый дождем Мир!

Мне кажется, что позволяя показывать свое искусство некоторым выдающимся русским людям за границей, как например Тарковскому (признанному за границей гению), Любимову (директору Таганского театра в Москве, недавно ставившим в английском театре в Лондоне "Преступление и Наказание"; в английской газете его назвали "величайшим театральным режиссером в мире"), Вознесенскому (выступившему по английскому телевидению 30.11.83) и некоторым другим, — советские коммунисты, как дымовой завесой стараются прикрасить свое безобразное лицо, русским гением.

Интересно: Любимов горько жаловался в Англии как трудно ему работать. Цензура ставит ему "палки в колеса" на каждом шагу. Последние три его постановки, в том числе "Бориса Годунова" ему запретили уже после согласования с цензурой. Приходит какой-то чиновник (он все время называет чиновников — аппаратчиками) на генеральной репетицию, увидит что-то несоответствующее "генеральной линии" и постановку запрещают.

Однако, несмотря на настоящие репортеры, Любимов отказался сказать от каких именно чиновников зависит такое решение?

ВАЛЕНТИНА БОГДАН

ЗАДОЛЖЕННОСТЬ ЗА ПОДПИСКУ

Издательство и Редакция "Нашей Страны" обращаются ко всем подписчикам еще не погасившим свою задолженность, с просьбой это как можно скорее сделать.

Дальнейшее издание "Нашей Страны" в финансовом отношении зависит исключительно от регулярной уплаты за газету. По возможности, подписка должна вноситься вперед, на полгода, на год, или на любое количество номеров.

При уплате подписки в Аргентине нужно иметь ввиду, что всегда необходимо рассчитываться по цене действительной в момент уплаты, независимо от того, производится ли таковая за предыдущее или за будущее время.

И СМЕХ И ГРЕХ...

Бывший эск' вступает в партию.

— Ответьте нам, пожалуйста, какую должность занимает Юрий Владимирович Андропов?

— Начальник.

— Начальник? Чего?!

— Лагерь.

— Какого лагеря?!

— Социалистического.

ЦЕНА НА "НАШУ СТРАНУ"

В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ

Начиная с 1-го января 1984 года, цена за номер газеты во всей Латинской Америке (за исключением Аргентины) равняется 0,30 ам. долл.

Таким образом, вводится одна общая цена для Латинской Америки, которая хотя и значительно ниже цен для остальных частей мира, все же для многих латиноамериканских стран на деле будет являться более высокой, чем до сих пор.

Эта мера вызвана не только экономическими но и административными причинами. Например, за последние годы плата за номер газеты в Бразилии не покрывала даже почтовых расходов. Но кроме того, было невозможно вести нормальный учет уплаты за газету во многих латиноамериканских странах, ввиду царящих в них специфических валютных условий.

Эти условия можно резюмировать вкратце следующим образом.

1. Почти во всех названных странах происходит инфляция, сильно превышающая инфляцию в Северной Америке и Западной Европе. Причем, размеры этой инфляции в отдельных странах не совпадают между собой, в то время как сама инфляция в каждой стране развивается неравномерно во времени.

2. В Аргентине вот уже много лет тоже происходит сильная инфляция, но ее размеры и ритм не совпадают с ритмом инфляции в других, даже соседних, странах.

3. При переводе денег из стран Латинской Америки в Аргентину почти всегда приходится производить расчет через валюту США. Но в большинстве стран Латинской Америки существуют две (по крайней мере) котировки доллара: официальная и неофициальная, при чем брешь между этими двумя котировками иногда очень значительна. Например, во второй половине декабря прошлого года эта разница между официальным и неофициальным курсом доллара в Чили достигала 20%, в Венесуэле 45%, а в Бразилии даже почти 60%. (Не говоря про Парагвай, где разница достигает 120%).

Именно это последнее обстоятельство и заставляет Издательство "Нашей Страны" установить цену на газету в долларах для этих стран гораздо более низкую, чем для остальных частей мира, так как наши читатели в Латинской Америке не имеют возможности доставить ам. доллары по официальному курсу, а вынуждены платить за них, скажем как в Бразилии, на 60% больше. Учитывая, что большинство наших подписчиков проживает в Бразилии, то и было решено установить цену в долларах именно с этой скидкой в 60% по отношению к цене в США, (0,80 долл. минус 60%). Таким образом, по внутренней покупательной способности, эта цена фактически будет соответствовать цене в странах с твердой валютой.

Цена на газету в Аргентине будет, как и до сих пор, периодически меняться, в соответствии с инфляцией в стране.

"НАША СТРАНА". Русская монархическая еженедельная газета. Основана 18 сентября 1948 И. Л. Солоневичем. Издатель: Михаил Киреев. Редактирует: Ред. Коллегия. Адрес: Miguel Kireeff, Monroe 4329, 1430 - Buenos Aires. Номер телефона редакции: 51-2685. Статьи подписанные фамилией или инициалами не обязательно всегда выражают мнение редакции. Рукописи не возвращаются.

Цены за экземпляр газеты: Австралия - 0,80 ав. дол.; Германия - 1,80 н. м.; Франция - 5 фр.; Италия - 1100 лир; США - 0,80 ам. дол.; Аргентина - 6 песо. В остальных странах - 0,80 ам. дол. Цена объявлений: за 1 см. в 1 ступенчатой колонке - стоимость 3 экземпляров газеты в соответствующей валюте. Чеки и "моней ордер" выписывать на имя Miguel Kireeff с местом уплаты в США или Европе.

"NASHA STRANA" — "NUESTRO PAIS". Semanario monarquico ruso. Fundado el 18 de septiembre de 1948. Registro Nacional de Propiedad Intelectual No.: 949.917. Editor: Miguel Kireeff, Monroe 4329, 1430 - Buenos Aires.

Correo ARGENTINO
Sucursal 30 (B)

Franqueo pagado. Conces.No. 4233
Interes general. Conces.No. 3980